

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Дизайн серии *Андрея Старикова*
В оформлении обложки использован
рисунок художника *Филиппа Барбышева*

Ранее книга выходила под названием
«Между Амуром и Невой»

Свечин, Николай.
С24 Роковые числа / Николай Свечин. — Москва : Эксмо,
2020. — 448 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-112903-3

Сыщик нижегородской полиции Алексей Лыков и его наставник Павел Благово приезжают в Санкт-Петербург по приглашению нового министра внутренних дел графа Игнатьева. Теперь они служат в департаменте столичной полиции. В Петербурге происходят загадочные убийства беременных женщин: убито уже пятеро, но Благово уверен, счет дойдет до девяти! Эти преступления могут повлечь за собой серьезные и страшные события: свержение монархии в России...

Лыкову предстоит опуститься на самые низы преступного мира, схватиться с настоящим людоедом и выстоять в одиночку против десятка недюжинных подлецов. Превратиться в настоящего демона из плоти и крови...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112903-3

© Свечин Н., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Глава 1

«Три Ивана»

Саженного роста негр в обтягивающем атлетическую фигуру заморском трико быстро выкинул вперед правый кулак. Рыжий крутоплечий бородач замер на секунду, голова его дернулась назад, ноги подкосились. Готов...

Распластавшееся тело оттащили в сторону, негр оскалился, окинул веселым уверенным взглядом собравшуюся толпу.

— Ну, кто ешшо? Выходи на честной бой! Не бойсь, православные, негра до смерти не убьет, он удар чувствует, какому мужчину какой отвесить по чину. Кто тут есть смелый? Бой по правилам аглицкаго боксу, на кону пя-а-тьдесят рублей, кто черного победет, тот деньги и унесет!

Мужичонка в синем картузе ходил по кругу, образованному зрителями во дворе нового доходного дома на Ближней Рогатке и потрясал сложенным в кулаке банковским билетом, тщетно вызывая смельчаков. Разномастная, из простого люда сбитая толпа гудела, подзуживая сама себя, но в круг никто ступить не решался. Больно уж ловко чертяка-негр укладывал самых-самых силачей увесистыми кулаками. Двух уже отвели, а одного так и отнесли к дровнику. Даже Степана Вагина чер-

ный бес завалил, сильнеешего в Питере ломового извозчика! Кто ж теперь, после такого, решится?

Негр, разгоряченный боем, поднял руки, что-то гортанно прокричал. Что — непонятно, но для общества явно обидное. Народ засвистал, заулюлюкал, пьяные плечистые парни крикнули из задних рядов в ответ, чем они сейчас гостя порадуют. Однако с места никто не сдвинулся. Публика, поняв, что дураки кончились и потехи больше не будет, начала уже расплзаться, весело матерясь, как вдруг из подворотни что-то кольхнулось. Толпа рванула назад. В центре ее, возвышаясь над всеми — башня, вразвалку, неспешно шел гигант с русой бородой, русыми волосами и сочными голубыми глазами на мужественно-красивом лице. Однако при всей своей писаной красоте улыбался он как-то нехорошо и вообще от всей его фигуры, от гордо-ленивой осанки веяло чем-то грозным и недобрым.

— Пересвет пришел! Пересветушко сейчас этой облизьяне покажет! — кричали вокруг синюшные от водки люди, плотным кольцом вновь окружая импровизированную арену. Мужик в синем картузе нахмурился настороженно, и так же подобрался негр-боксер, внимательно и оценивающе осматривая нового бойца. Плечи такие же, как у только что побитого Вагина, и ростом не выше, и так же самоуверен, но что-то есть в нем такое...

— Ну, валяй, арапская харя, кажи свой бокс.

Бойцы стали друг против друга. Негр принял стойку, подняв кулаки и выглядывая из-за них, как из укрытия; русак стоял спокойно, но смотрел зорко, готовый ко всему, точно сжатая пружина. Толпа мгновенно затихла.

Негр сделал стремительный выпад, Пересвет отшатнулся, черный кулак просвистел слева направо прямо перед его носом.

— Левый свинг, не получился, — громким шепотом прокомментировал рослый студент своему не менее рослому товарищу. — Нам в Гимнастическом обществе показывали.

Негр постоял секунду, затем мгновенно сблизился с соперником и с невероятной скоростью нанес ему серию из четырех ударов, причем как минимум два из них попали в цель. Русак отскочил назад, недовольно затряс головой, из рассеченной губы его хлестала кровь. Толпа неодобрительно загудела.

— Апперкот прошел! Как же он не упал? — ахнул студент.

Негр, по-видимому, тоже этого не понял и смотрел на русака озадаченно. Зато тот сразу озверел.

— Ах ты, сволочь! Вот ты, значит, как! Ну, держись, как торга!

Пересвет надвинулся на негра, словно паровоз на кролика, хотя роста они были одинакового. Чернокожий боксер быстро-быстро замахал руками, пытаясь остановить эту гору мускулов, но русак будто не замечал эти страшные удары. Через секунду он прорвался к противнику, дернулось его правое плечо, раздался шлепок и какой-то противный хруст. Негр упал как подкошенный, Пересвет набросился на него и стал жесточно, со всей силы пинать, выцеливая сапожищами голову, лицо, висок. В наступившей тишине — народ от ужаса оцепенел — слышно было лишь пыхтение русака и глухие звуки ударов. Наконец Пересвет успокоился, постоял секунду над поверженным телом, смачно плюнул, молча вырвал у мужика в картузе банковский билет и так же молча, вразвалку, удалился.

Толпа тотчас расступилась и исчезла, будто ее и не было. Посреди двора на вытоптанной траве осталось огромное черное распростертое тело с залитым кровью лицом, с нелепо вывернутой рукой; только «картуз», охая, причитал над ним.

— Вань, а что это был за удар? — спросил шепотом второй студент у первого.

— Пошли отсюда, — угрюмо ответил тот, и они быстро скрылись в арке.

— Как же это, православные? — всхлипывал мужичонка, беспомощно озираясь вокруг. — Убил ведь, черт яманный, Абдулку! Убил, без обману... Куда ж я теперь? И в полицию не сунешься...

Вечером того же дня, осмотрев труп несчастного негра в морге Александро-Невской части, Благово сказал Лыкову:

— Видишь, Алексей? Такой вот у них Пересвет. Представляешь, каков тогда Челубей?

На следующий день, в двенадцатом часу до полудня, Лыков сидел в трактире «Три Ивана», самом зловещем и грязном из всех трактиров Лиговки. На нем был среднего качества опрятный сюртук с георгиевской ленточкой в петлице; картуз лежал по правую руку. По-солдатски тщательно начищенные, второго срока носки сапоги тускло блестели, ногти на руках пострижены, усы и короткая русая борода аккуратно подбриты. По виду Алексея всякий бы определил в нем вчерашнего служаку, но затруднился бы в определении звания. На офицера не похож, для фельдфебеля чересчур молод, для унтера слишком самоуверен. Малый знает себе цену, и плечи

у него ого-го, сидит кум королю, но, видать, в прогаре, раз оказался в эдаком месте...

Лыков не спеша потягивал водку (взял сразу полуштоф¹), закусывая пирогом с визигой, и осматривался вокруг. В «Три Ивана» сыщики с давних уже пор не совались. Четыре года назад, в семьдесят девятом, здесь, прямо у стойки, зарезали двух «наружников» с Офицерской, из сыскного, а трупы подбросили на Калашниковскую набережную в пакагузы. Облава была потом злая, но ничего не дала, а через три месяца сменился пристав, и дело закрыли. Сыскари с тех пор, затаив обиду, обходили «Иванов» стороной, чем вся лиговская шпанка страшно гордилась. Единственный представитель власти, рисковавший появляться здесь, был податный инспектор Сорока, хитрый хохол, пьянчуга и взяточник — лиговцы считали его своим, не опасались и не обижали.

Большое, на тридцать столов, помещение трактира было освещено довольно скупо, а клубы табачного дыма поддерживали вечные сумерки. В дальнем углу за стойкой возвышался крупный, пузатый и совершенно лысый мужик в фартуке, формальный хозяин заведения Прохор Демидыч. Он зорко оглядывал залу, одним движением бровей направляя в нужную точку или шустрого полового с грязным полотенцем на плече, или пару сурового вида вышибал. Дрались, впрочем, в «Иванах» не часто — хозяин больно строг, и при необходимости обменяться любезностями обычно выходили на улицу. Но случалось всякое... Публика, по наблюдениям

¹ Полуштоф, или мерная бутылка, — 0,6 литра.

Алексея, была сплошь уголовная: сидели только два-три спивающихся ханурика, простых обывателей не замечалось ни одного. Многие посетители трактира на вид были «деловые элементы», спокойные, уверенные и серьезные; они сидели кучками и вполголоса что-то обсуждали. Даже пили они как-то солидно, почти скучно. Еще больше было «красных», то есть воров – маровихеров, шниферов, мойщиков, глухарей¹; эти вели себя шумно, вольготно, многие уже пьяны в угар. Их столы, обсаженные марухами, густо заставленные бутылками, занимали большую часть зала, для них играл драный, с сизым носом, румын-скрипач. За одним из угловых столов сидели два серых человека и о чем-то шептались – не иначе, как блатер-каины, скупщики краденого, тырбанили слам². Прямо за спиной Лыкова два приятеля-маровихера, не выдавшиеся, почитай, с самого Томска, торопливо напивались; волей-неволей Алексей слушал их разговор, непонятный обычному человеку.

– ...Взял я тогда с верхового ширмана лопатошник, да бимбары еще...

– Нешто скуржавые?

– Ха! скуржавые! Бери, товарищ, выше – рыжие!

– Эх, барно!

– Еще бы не барно. Три собаки от съемщика, жидомора, получил! А в лопатошнике еще финажек на большую.

¹ Маровихеры – карманники, шниферы – ночные воровы, мойщики – обворовывающие спящих пассажиров, глухарь – грабящие пьяных.

² Делили украденное (*жафг.*).

— На большую! — ахнул собеседник. — Ну, товарищ, тебе и подфартило! Ну и подфартило!

— Ты слушай, что дальше было. Отлил я, сколько положено, тырщичку, да и всунулся на мельницу к Тимохе Огороднику. Ну и... тово... замазался. Укутался прям в полусмерть. Споели меня у Тимохи пивом на окурках и раздели. Утром отверзел, смотрю — хрустов ни серса, как есть пустой, и даже пальтукан со двора свели!

— Да, братан, така наша жисть: был фарт, а стал локш.

— Вот-вот. Ну, пошел я по музыке — кумпол свиндит, грабки дрожат. Отлежаться бы мне, в спокойствие войти, а я уж духовой совсем заделался. Решил сей же час галье насунуть, штоб, значит, отбить все взад.

— На ширмака проехаться надумал!

— Точно! Ну, и облопался, конешно. Определили меня с бутором на Литейном.

— Подлипалы али добровольцы?

— Подлипалы, из первого участка, с Гагаринской улицы.

— Знаю, знаю, там майор Степовой командирит, строгий мужчина.

— Он самый, Николай Василич, отец родной. Сразу почал гнать под меня шары — я же с бутором!

— Банки ставил?

— Не то слово! Надрал когтями на полный завтрак! Миног наелся — счету нет. А все почему? Они мне прицеп повесить хотели, будто я избушку дяди Коли чистанул, аржаны увел. Это я-то — честный маровихер! Фараонам для отчету надоть дело закрыть, а клюкаря изловить силенок не хватает; и решили

на меня списать. А там срока совсем другие: не наши три с полтиной, а шесть лет за Буграми жигана водить!

– Да, ну ты влип. И как управился?

– Как-как... Я стойку держу. В индии три недели прожил, а как перевели в общую, я и смыслил лытки сделать, из хезника.

– Так ты от дяди, с цинтовки ушел! – восхитился второй вор.

– Оттель, оттель. Теперь сижу в долушке, как был пустой, бусаю на халтон, хожу жохом, совсем ракло стал. Паша-родский обещает к Троице в свою артель впустить, а пока... угости, товарищ, тарачкой!

(Предоставляем читателю самому сделать вольный перевод этой абракадабры, сообщим лишь ключевые слова: верховой ширман – наружный карман; лопатошник – бумажник; бимбары – часы; скуржавые – серебряные, рьжие – золотые; барно – хорошо, здорово; съемщик – скупщик краденого; финажки – кредитные билеты; большая – тысяча рублей; тырщик – помощник вора, толкающий и отвлекающий жертву; мельница – тайный игорный дом; замазаться – проиграть больше, чем имел; укутаться в полусмерть – проиграться полностью; хрусты – деньги, серсо – рубль, локиш – неудача; идти по музыке – воровать; грабки – пальцы; духовой – отчаянный; насунуть галье – украсть деньги; проехаться на ширмака – на авось; облопаться – попасться; опфеделить с бутором – взять с личным; подлипалы – сыщики; гнать шары – готовить обвинительный материал; ставить банки – бить; надрать когтями на полный завтрак, есть миноги – быть битым плетью; избушка дяди Коли – Никольская церковь; аржаны – серебряные оклады икон; клокарь – вор, грабящий церкви; держать стойку – не сознаваться; индия – кафе; лытки – ноги; хезник – уборная; цинтовка – тюрьма; за бугры жигана

водить – отправлять в Сибирь; долушка – тайный притон; бусать на халтон – пить и есть на чужой счет; ходить жохом – быть в нужде; фракло – босяк; родский – старший вор; тарачка – папирота.

Читатель должен также понимать, что все диалоги уголовных должны звучать примерно так. Но, дабы не утомлять его слух, автор облагораживает их речь, изредка вставляя в нее лишь отдельные необходимые выражения из уголовного жаргона второй половины XIX века.)

Допивая второй стаканчик, Лыков заметил, что привлек к себе внимание одного из завсегдатаев «Трех Иванов» – замурышку в драной паре, по виду шпанку из тех, что в тюрьме образует свиту «делового элемента». Такой тип подпевал был Лыкову хорошо знаком – сейчас будет просить налить чарку...

И точно, драный уселся напротив, уставился на гостя наглыми и одновременно трусливыми глазами и сказал, стараясь быть покровительственным.

– Слышь, кавалер! Налей-ка за знакомство!

Лыков, глядя сквозь него, нацедил себе еще полстакана и молча выпил.

Драный сразу окрысился.

– Ах ты... Вавило – свиное рыло! Пришел в чужой дом, да еще и хозяев не уважил! Сдается мне, паря, что ты «двадцать шесть»¹, слухач-старатель. Чтой-то я тебя здесь раньше не видел. Знаешь, что мы тут с такими делаем?

Алексей, не обращая на крикуна никакого внимания, лениво пережевывал визигу.

¹ «Двадцать шесть» – сыщик.

Сидящие вокруг начали на них оборачиваться, кто-то вполголоса сказал: «Тузик опять на выпивку зарабатывает, горлопан лиговский». Почувствовав поддержку, драный еще больше обнаглел и решил уязвить незнакомца побольнее.

— Ишь, егорьевскую ленту надел, а у самого рожа что огонь — хоть онучи суши. Поди, в тринку крест-то выиграл?¹

Все вокруг загоготали. Тузик, довольный собою, гордо озирался, как вдруг Лыков мгновенно схватил болтуна за ухо, перетащил вокруг стола к себе и другой рукой сильно защебил ему нос. Тузик завизжал от боли, как дворняжка, оправдывая свою собачью кличку; из разорванного носа хлынула красным ручьем кровь. Брезгливо вытерев руку об поддевку шпанки, Алексей развернул униженного врага к себе задом, не вставая, дал крепкого пинка и снова взялся за пирог. Все это он проделал, по-прежнему не говоря ни слова.

Отлетевший к порогу Тузик поднялся с пола и, скуля и размазывая кровь по лицу, выбежал на улицу. В «Иванах» стало тихо; тотчас же от стойки отделился один из вышибал, огромный детина, весь в оспинах и угрях, и решительными шагами направился к Алексею. Лыков спокойно лил водку себе в стакан, не обращая на него никакого внимания. Подойдя, верзила неожиданно схватил его двумя руками за пояс и, крикнув, легко поднял на воздух, оторвав от пола на поларшина. Придвинул к своему лицу и, густо дохнув табаком, сказал зло.

¹ Т р ы н к а — простонародная картежная игра, презираемая уголовными.

— Чего, язевый лоб, всегдагаев обижаешь? Жили мы тута без тебя... А давно ли ты рылом хрен не пахал?

Алексей, болтаясь на весу, на секунду растерялся. Вышибала держал его, пятипудового, легко, словно ребенка, а весь зал с интересом наблюдал, чем все это закончится. Сам не раз проделывавший подобные номера, Лыков оказался «на воздухе» впервые, но быстро собрался и с полузамаха обими кулаками сильно ударил обидчика по ушам. На рябом лице детины мелькнуло удивление, он выпустил Алексея из своих ручищ, тот легко соскочил на пол и снова вернулся к своей бутылке. Вышибала, глупо выпучив глаза, постоял еще секунды две, потом молча, медленно осел перед Лыковым на колени. Зал еще ничего не понимал. Лыков покосился на стойку, лениво отпихнул угреватого носком сапога, и почти саженого роста детина без звука растянулся на заплеванном полу — он был без сознания.

Ближайшая к Алексею шпанка резво очистила скамьи, деловые по углам грозно нахмурились, кто-то торопливо метнулся на улицу — стать на стрему. В тишине, мягко ступая, подошел и сел напротив, как минуту назад Тузик, сам трактирщик Прохор Демидыч. Двинул бровью, и перед ним появилась рюмка. Лыков молча налил в нее из своей бутылки. Мужчины выпили, глядя друг на друга, затем хозяин вежливо спросил:

— Кто таков будете?

— Весь народ из одних ворот, — уклончиво ответил Алексей.

— От дяди?

— От него.